

ДВА КАНЦЛЕРА: МЕТТЕРНИХ И НЕССЕЛЬРОДЕ

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Статья посвящена взаимоотношениям двух выдающихся государственных деятелей эпохи Венской системы международных отношений: канцлерам Австрии К. Меттерниху и России – К.В. Нессельроде. Они стояли у руля внешней политики двух союзных держав на протяжении почти 40 лет. Совпадение политических взглядов на европейский порядок, приверженность принципам легитимизма и консерватизма, неприятие революционных преобразований – вот та основа, на которой строился русско-австрийский альянс, продержавшийся в период от Венского конгресса до начала Крымской войны.

По оценкам многочисленных как отечественных, так и зарубежных исследователей международных отношений постнаполеоновской Европы, Нессельроде был послушным учеником австрийского канцлера, под руководством которого вершилась вся европейская политика. За приверженность консервативным принципам и системе Священного союза, служившей на пользу союзницы-Австрии, Нессельроде называли «австрийским министром русских иностранных дел». Однако документальные материалы свидетельствуют о том, что Нессельроде не был слепым последователем всех внешнеполитических инициатив австрийского канцлера. Он умел выдвигать и отстаивать собственную точку зрения в условиях сложных политических коллизий европейской политики. Можно говорить, что он по-своему честно и добросовестно служил Николаю I и интересам Российской империи в той степени, как он их понимал.

Ключевые слова: международные отношения, Нессельроде, Австрия, Меттерних, Венская система, Николай I, внешняя политика

На протяжении николаевского царствования Россию и Австрию связывали сложные отношения, изменявшиеся от полного согласия и взаимопонимания в середине 30-х гг. до почти враждебных – в начале 50-х. При этом со стороны России преобладали союзнические настроения, направленные на укрепление взаимных связей по общей борьбе с национальными движениями в обеих монархиях. В свою очередь, со стороны Австрии, внешняя политика которой находилась под управлением К. Меттерниха, на-

УДК 327.82

Поступила в редакцию 25.01.2019 г.

Принята к публикации 15.02.2019 г.

строения менялись в зависимости от практических шагов России, которые каждый раз ревниво отслеживались и придирчиво оценивались австрийским канцлером.

На вторую четверть XIX в. приходится расцвет императорской России, связанный с признанием её ведущей роли в европейской политике. По итогам наполеоновских войн для поддержания мира и внутривнутриполитической стабильности в Европе была создана новая политическая реальность, в основе которой лежали принципы легитимизма, консерватизма, баланса сил и политического равновесия. Принцип равновесия, подразумевавший невозможность какой-либо одной державе значительно укрепить своё влияние в Европе за счёт соседей, на многие годы стал фундаментом международных отношений. Европейские дела вершил концерт держав, или «пентархия», которую составляли Россия, Австрия, Пруссия, Англия и Франция, чьи конгрессы в начале 20-х гг. превратились «в почти что правительство Европы» [11, с. 70]. Союз трёх северных дворов – России, Австрии и Пруссии – обычно как в отечественной, так и в западной историографии противопоставляется альянсу морских держав – Великобритании и Франции. Если первый олицетворял собой европейское консервативно-монархическое начало, препятствовавшее развитию национально-освободительных движений в европейских странах, то второй обычно представляется в качестве оплота либерально-демократической Европы, противостоящей консервативным социально-политическим системам легитимистского характера.

В исторической литературе Венская система международных отношений зачастую отождествляется с системой Священного союза, поскольку основными принципами их деятельности были легитимизм и «право вмешательства» во внутренние дела других государств [7, с. 34]. Можно сказать, что идеология Священного союза лежала в основе Венской формы существования международных сил. Следует признать, что Священный союз сыграл негативную роль в истории России, сдерживая решение стоявших перед ней геополитических задач. Союз трёх восточных монархов стал «инструментом для борьбы с амбициями царя» [13, с. 110], чего Александр I не мог предугадать, выступая с инициативой его создания в 1815 г. Несмотря на негативную оценку роли Венской системы и Священного союза в социальных преобразованиях Европы, господствовавшую длительное время в отечественной исторической литературе, следует отметить появившуюся в историографии тенденцию к признанию в новом европейском порядке стабилизирующей функции, позволившей сохранить самый продолжительный 40-летний мирный период в Новой истории Старого света.

На протяжении почти сорока лет (1809-1848 гг. в Австрии и 1816-1856 гг. в России) во главе внешней политики стояли канцлеры К. Меттерних и К.В. Нессельроде. Взаимоотношения этих государственных деятелей внешне ничем не омрачались и были отмечены полным согласием и взаимопониманием. Их сотрудничество начиналось с взаимоотношений, более напоминавших отношения ученика и учителя. Однако, оно не оставалось неизменным и претерпело

значительные трансформации вслед за развитием событий в Европе и выработкой собственных программ внешней политики.

Венская система международных отношений, зачастую называемая в литературе «системой Меттерниха», характеризуется господством консерватизма и легитимизма как во внутренней, так и внешней политике европейских государств. По общему признанию российских и зарубежных историков, первую скрипку в европейской политике играл «кучер Европы» [18, с. 170], «Дон Кихот легитимизма» [18, с. 262], «министр Европы» [18, с. 123] – Клеменс Меттерних. Нессельроде историки традиционно отводят роль подражателя, следовавшего в фарватере идей своего учителя.

Князь Клеменс Венцель Лотар Меттерних (1773 – 1859 гг.), дирижёр европейского концерта [18, с. 7], зачастую считается ключевой фигурой Священного союза. Его нельзя отнести к основателям Союза, поскольку тот возник по инициативе российского императора Александра. Поначалу австрийский канцлер относился к идее его создания скептически, называя «пустым звуком» [8, с. 16]. «Священный союз никогда не играл никакой роли.... поскольку никогда ничего не смог произвести», – писал Меттерних австрийскому посланнику в Париже графу А.Р. Аппоньи в январе 1837 г. [27, с. 256]. Как представляется, австрийский канцлер лукавил. Считая морально-религиозную основу Союза прихотью Александра I, Меттерних, тем не менее, очень быстро понял, как использовать любимое детище российского владыки для управления всей международной жизнью Европы. С помощью Священного союза можно было потакать крайне контрреволюционным настроениям Николая I, которые в полной мере поддерживал и сам Меттерних. В своём политическом завещании Меттерних писал: «Моей главной заботой было сохранение существующего положения вещей» [18, с. 402]. «Система Меттерниха» предполагала эффективное сотрудничество членов пентархии, в основу которого было положено понятие равновесия держав «европейского концерта». По мнению Н.Я. Данилевского, Меттерних играл роль великого «усыпителя» всяких социальных движений в Европе, полагая, что Австрийская империя должна либо «спать», либо развалиться [5, с. 130]. Для того, чтобы сохранить неизменной многонациональную Австрию, Меттерних должен был содействовать поддержанию «спокойствия и порядка» не только в самой империи, но и в Европе в целом. Не будучи в состоянии противостоять развитию национальной идеи, Меттерних мог лишь «отсрочить неизбежное падение империи благодаря выдающемуся дипломатическому мастерству» [18, с. 16]. Система европейского равновесия, на страже которой стоял «первый министр Европы», оказалась действенной и востребованной в европейских международных отношениях на протяжении длительного времени.

Из множества воспоминаний о «вожде европейского консерватизма» процитируем графа Ф.Г. Головкина и канцлера А.М. Горчакова. Ф.Г. Головкин пишет: «Хорошо сложенный, прекрасно одетый, белокурый, очень бледный, по виду рассеянный, он слыл среди женского пола натурой романтической; мужчины

считали его человеком рассудительным... Вообще в нём была какая-то надменность, подходящая для человека, которому суждено занимать выдающееся положение, и известный такт врождённого дипломата. Он с самых юных лет умел замечательно хорошо держать себя, был очень трудолюбив, умел владеть собою и не выказывать своих чувств; при всей своей вспыльчивости, он прекрасно владел своим голосом, жестами и выражениями, умел быстро и плодотворно работать», т.е. представлял собой «тип истого дипломата» [9, с. 111]. А.М. Горчаков, в 1830-х гг. советник российского посольства в Вене, писал в Петербург: «Ум изобретательный и гибкий, он никогда не испытывал недостатка в способах найти выход из любого сложного положения, сохранив при этом внешнее достоинство, даже если по сути им пришлось пожертвовать. Совершенно аристократическая элегантность его внешности и речи... облегчают ему эту задачу» [12, с. 124]. Горчаков подчёркивал, что все средства разносторонней политики канцлера служили одной цели – укреплению монархического начала. По выражению одного европейского дипломата, Меттерних представлял собой «олицетворённый оптимизм», позволявший австрийскому канцлеру успешно действовать даже в самых затруднительных обстоятельствах и браться за решение даже, казалось бы, безнадежных проблем.

Австрия была страной, наиболее заинтересованной в стабильности – само её существование зависело от сохранения мира и спокойствия в Европе. Австрийский канцлер, декларировав тождество интересов Европы и своего государства, стремился поставить общие дела на службу империи. При этом Меттерних никогда не претендовал на вмешательство во внутренние дела, по его словам: «Я иногда управлял Европой, но никогда – Австрией» [28, с. 100]. По убеждению Меттерниха, в основу внешней и внутренней политики империи должен быть положен консервативный принцип: «Наше собственное существование и мир в Европе, – писал он, – теснейшим образом связаны с поддержанием этого принципа» [22, с. 381]. Единственно приемлемой формой правления Меттерних считал монархию, причём отнюдь не конституционную, существование которой он допускал лишь в Великобритании – после нескольких веков «адаптации». «Лишь монархия стремится объединить людей в компактные и действенные массы и делает их способными к достижению соединёнными усилиями высот культуры и цивилизации» [3, с. 148]. В этом он полностью солидаризировался с Николаем I, политику которого, впрочем, считал «чисто русской». Канцлер полагал, что тесное сотрудничество двух континентальных государств выгодно для Австрии. Кроме того, обе империи в своей внутренней политике преследовали сохранение существующего строя и противостояние «демонству революции»; в результате всякая революционная попытка в Европе вызывала единодушное осуждение и решительное противодействие со стороны правительств обеих империй.

Июльская революция во Франции стала сильнейшим ударом для австрийского канцлера («Дело моей жизни разрушено»), и он поспешил на встречу с

Нессельроде, находившимся в Карлсбаде на водах [22, с. 9–12]. Именно Меттерних сообщил российскому канцлеру новость о революционных событиях. Уже 10 (22) августа российский посол в Вене Д.П. Татищев передал Х.А. Ливену, замещавшему Нессельроде на посту управляющего российским МИДом, слова Меттерниха: «Нынешнее французское правительство анархическое; герцога Орлеанского увенчали короной, не сделав королём»¹. Позже австрийский канцлер самодовольно вспоминал о том внимании, с которым выслушивал его советы растерянный от полученного известия Нессельроде: «Полный сосуд легко переливается в пустой», – писал он австрийскому послу в Петербурге К. Фикельмону 1 (13) октября 1830 г. [21, с. 299].

Несмотря на показное единодушие, Николай I Меттерниха недолюбливал и называл его «канальей», отдавая себе отчёт в том, что усиление России, нарушающее баланс сил, не входит в планы австрийского канцлера [25, с. 130]. «Врагом-супостатом» назвал Меттерниха российский посол в Англии Ф.И. Бруннов. Впрочем, со временем, Николай I стал большим приверженцем политики австрийского канцлера, чем Нессельроде, позволявший иногда противоречить своему «наставнику».

Фигура австрийского канцлера неизменно вызывает интерес исследователей. В разрешении загадки его политического успеха выдвигается тезис о том, что Меттерниху не была чужда идея постепенных эволюционных реформ в Австрии, а *status quo* в Европе он не противопоставлял разумной стабильности [26, с. 335]. Меттерних сочетал консерватизм во внутренней политике с принципом равновесия сил в политике внешней. По мнению П.Ю. Рахмирова, благодаря дипломатическому искусству Меттерниха Австрия стала играть в Европе роль, превосходившую её реальные возможности [18, с. 243]. Эту роль в европейской политике, считал Меттерних, Австрия приобрела в силу её географического положения в качестве центра тяжести всей европейской системы государств. Сумев объединить три северных двора общностью интересов в противостоянии революции и поддержании консервативных тенденций во внешней и внутренней политике, Меттерних становится главным идеологом трёх союзных держав.

Революционные события 1848 г. вынудили австрийского канцлера бежать в Англию. Российский император выразил ему искреннее сочувствие: «Ваша страна теряет в вашем лице государственного деятеля, который раз подняв её из пропасти, поддерживал её в течение свыше 30 лет на том уровне политического влияния, на который он сумел её поставить» [1, с. 181]. Более всего Николай I был огорчён исчезновением «целой системы отношений, идей, интересов и согласованных действий», которая уходила вместе с австрийским канцлером.

Друг Меттерниха и верный коллега по «европейскому умиротворению» – Карл Роберт Нессельроде, или, как его называли на русский манер, Карл Васи-

¹ Внешняя политика России в XVIII и начале XX в. (Далее – ВПР). Т. XVII. М., 2005. С. 49. Д.П. Татищев Х.А. Ливену. 10 (22) августа 1830 г.

льевич (1780–1862 гг.), известен в качестве приверженца системы Меттерниха в международных отношениях. Но если австрийский канцлер ставил свою систему на службу комфортному выживанию Австрии в бурях европейских революций, то его российский коллега подчинял интересы своей страны общеевропейским [28, с. 98]. В этом признавался и сам Нессельроде по завершении карьеры, и именно в этом состоял разительный контраст в методах, с помощью которых два руководителя внешней политики пытались достичь одной и той же политической цели в Европе – стабильности.

На 40-летний период деятельности Нессельроде в качестве главы российского МИДа пришлось многие события, изменившие образ России в Европе в негативную сторону: подавление Польского и Венгерского восстаний, Крымская война. Консерватизм и приверженность системе Священного союза приводили не к выгодам, а к подчинению русской внешней политики «европейской идее», служившей на пользу союзницы-Австрии, что дало повод известному критику русского высшего общества П.В. Долгорукову назвать Нессельроде «австрийским министром русских иностранных дел» [6, с. 242].

В некоторых работах отечественных историков подвергается сомнению устоявшееся мнение о крайней несамостоятельности Нессельроде; он характеризуется в качестве осторожного и вдумчивого политика, зачастую направлявшего волю Николая I [15; 17]. Эту противоречивость характеристик Нессельроде подчёркивал канадский исследователь Х.Н. Ингл, отметив, что русские и советские историки проклинают Нессельроде за антирусскую политику, а западные – за службу царскому режиму [24, X].

Официально Нессельроде занимал пост вице-канцлера (с 1828 г.), затем канцлера (с 1845 г.), фактически выполняя функции министра иностранных дел, но нигде в документах МИДа так не называясь. Поначалу, став статс-секретарем в 1815 г., он делил свои обязанности с И.А. Каподистрией. Александр I разграничил обязанности двух статс-секретарей, оставив сношения с Западной Европой заботам Нессельроде, и вверив восточные дела Каподистрии. Явные симпатии уроженца о. Корфу Каподистрии к своим землякам – участникам Греческой революции 1821 г., заставили императора сначала временно отстранить его от исполнения обязанностей статс-секретаря, а с 1822 г. отправить в бессрочный отпуск. Сосредоточив в своих руках контроль над отношениями России с западными державами, Нессельроде быстро переподчинил себе соответствующие службы ещё существовавшей Коллегии иностранных дел. Он писал заведующему Коллегией тайному советнику И.А. Вейдемейеру в 1814 г.: «Переписка с нашими миссиями будет производиться при мне и от моего имени в министерской канцелярии, а также все министерские и другие донесения к высочайшему двору будут поступать на моё имя. Все сношения с дипломатическим здесь корпусом е.и. в-ву благоугодно было возложить на меня» [16, с. 88-89].

Придя к власти, Николай I рассматривал несколько кандидатур на место министра иностранных дел. Император склонялся к тому, чтобы назначить на

этот пост графа Г.А. Строганова, недавнего посланника в Константинополе. В 1821 г. Строганов со всем посольством покинул турецкую столицу после того, как султан не ответил на ряд российских нот, которые по поручению императора Александра I Строганов направлял Порте, предостерегая её от неоправданно жестоких действий против греков. Строганов обладал необходимым знанием обстановки на Востоке, а восточные дела при вступлении Николая на трон оставались наиважнейшими. Другой возможной кандидатурой был князь Х.А. Ливен, в то время посол в Великобритании, который пользовался особым расположением российского императора, назначавшего его полномочным представителем в главнейшие европейские столицы – в Берлин и Лондон. Известно, что на пост главы МИДа также претендовал Д.П. Татищев, имевший к тому времени опыт руководства Министерством иностранных дел во время отлучек канцлера А.Р. Воронцова и А.А. Чарторыйского. Когда выбор пал на Нессельроде, Татищев счёл себя оскорблённым. Неизвестно, возобладала ли сила инерции, или император посчитал Нессельроде наиболее подходящей фигурой для главы МИДа, но судьба на долгие десятилетия неразрывно связала Николая I и Карла Васильевича.

Бессменно управляя Министерством, Нессельроде опирался в своей работе на помощь ближайших сотрудников и помощников. Некоторым из них вице-канцлер доверял временно исполнять обязанности управляющего МИДа в период своих отпусков и продолжительных периодов лечения в Карлсбаде. Отпуска Нессельроде отличались от кратковременных отлучек от должности его подчинённых; он мог себе позволить отсутствие в течение нескольких летних месяцев. В этих случаях в 1820-х гг. его замещал тайный советник П.Г. Дивов, под руководством которого находились Петербургские архивы МИДа, в 1830-е гг. – директор Азиатского департамента действительный тайный советник К.К. Родофиникин, а в 1840-е гг. – действительный тайный советник граф И.И. Воронцов-Дашков, обер-церемониймейстер императорского двора. Для управления политическими делами в 1830 г. в Петербург был вызван из Лондона князь Х.А. Ливен².

Нессельроде свёл знакомство с Меттернихом в 1802 г. во время путешествия по Саксонии и Богемии, но более тесным сотрудничество двух политиков стало в период проведения Венского конгресса, когда Карл Васильевич получил звание статс-секретаря и управляющего Государственной коллегией иностранных дел и после того, как 9 августа 1816 г., он был назначен управляющим министерством иностранных дел. Ещё во время Отечественной войны 1812 г., заведывая походной политической канцелярией Александра I, Нессельроде выполнял свои обязанности «с должным молчанием». Позже Ф. Генц удивлялся быстроте карьеры Карла Васильевича, которого Николай I «унаследовал» от брата, но подвергал сомнению его компетенцию и возможность влиять на решения рос-

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. ДЛС и ХД. Оп. 713. Д. 344. Л. 1 с об.

сийского императора. Генц полагал, что Нессельроде является лишь первым столоначальником Николая I. Сам Генц на протяжении долгого времени являлся помощником Меттерниха, будучи мастером в составлении дипломатических бумаг, а по мнению некоторых исследователей, – идейным вдохновителем австрийского канцлера [18, с. 261]

Будучи, как полагало окружение, «в кармане у Меттерниха», Нессельроде зачастую слепо следовал за ним. «Нессельроде нравственно умерен, его как бы не существует», – писал австрийский канцлер, называя своего коллегу «маленьким Нессельроде». Ф. Гизо отмечал, что у Нессельроде присутствовало стремление «как можно далее держать себя от вспышек своего повелителя» [23, с. 374]. Уничижительную оценку Нессельроде дала супруга князя Меттерниха, урожденная графиня Зичи-Феррарис в мемуарах о заключении Мюнхенгренцкой конвенции: «Нессельроде, по-видимому, принадлежит к разряду тех, с которыми обращаются хуже [чем с Орловым – Е.К.], или, по крайней мере, которых не почитают» [22, с. 434]. Характер российского вице-канцлера казался ей слишком слабым для того, чтобы «его голос имел в совете подобающее значение». В 1836 г. английский посол в России Дж. Дюргам доносил Пальмерстону в Лондон о том, что в вопросах внешней политики российский император прислушивается только к А.Ф. Орлову и К.В. Нессельроде [24, с. 58]. Это означает, что Николай I сравнивал взгляды своих соратников – а по ряду вопросов, включая отношения с Великобританией, они были противоположны – и принимал собственные внешнеполитические решения.

Полное взаимопонимание и согласие в главных вопросах европейской политики не нарушалось в союзе двух канцлеров на протяжении многих лет. Стремление сохранять в Европе *status quo* вело обоих министров к осторожной, сугубо охранительной внешней политике своих государств. При этом, Меттерниху не раз удавалось сформировать мнение своего коллеги и повести его за собой. Определённой победой Меттерниха стал отказ России поддержать Греческое восстание в 1821 г. [25, с. 245]. Тогда Россия была вынуждена поставить греческое дело «под коллективное ручательство» европейских держав и подписать по этому поводу два протокола – Петербургский в 1826 г. и Лондонский в 1827 г. Оба эти протокола подразумевали совместное участие европейских стран в «умиротворении» Греции, т.е. формально лишали Россию возможности самостоятельно урегулировать греко-турецкий конфликт. Известно, что в русско-турецких отношениях российское правительство предпочитало обходиться без европейских «союзников», что, как правило, было залогом успеха её восточной политики. Теперь же обязательства, вытекавшие из участия в двух протоколах по греческим делам, сковывали самостоятельную политику России, отдавая вопрос о судьбе Греции в руки нескольких европейских гарантов. А во время Лайбахского конгресса Священного союза Меттерних так высказался о своей победе над российскими представителями: «Сильнейший увлёк слабейшего, согласно законам механики, физики и нравственности» [20, с. 320].

Между тем было немало случаев, когда Нессельроде не давал увлечь себя, а вместе с собой и всю русскую политику, по пути следования политики австрийского двора. Это подтверждается ситуацией, сложившейся летом 1830 г., когда оба политика получили весть о революции во Франции. Меттерних констатировал позже, что Нессельроде был крайне обескуражен новостью и растерян, поэтому со вниманием выслушивал советы коллеги, развернувшим перед Нессельроде целую программу действий. Согласно с ней, первое условие, которое обе монархии должны были соблюдать по отношению к новому правительству Франции – невмешательство во внутренние дела этой страны. Вторым пунктом, предложенным австрийским канцлером, было установление соглашения между Петербургом, Веной и Берлином по поводу совместного признания Орлеанской монархии; это условие встретило решительный отпор со стороны Нессельроде. Документ, известный под названием «Карлсбадского лоскута», стал первым свидетельством самостоятельной политики «ученика» Нессельроде перед своим «учителем», утверждавшем, что «старая Европа присутствует при начале конца»³. Если не считать этого небольшого расхождения в оценке подписываемого документа, взгляды руководителей внешней политикой России и Австрии совершенно совпадали. «Как странно, – писал Меттерних императору Францу I, – что два человека, стоящие во главе двух кабинетов, совершенно согласны между собою по всем подробностям» [14, с. 11]. Карл Васильевич сообщал в Петербург о своих встречах с Меттернихом, а также о том, что австрийский канцлер советовал соблюдать воздержанность и единство действий по отношению к событиям во Франции. Однако, понятие о «единстве» не мешало Меттерниху признать власть Луи-Филиппа ещё во время присутствия Нессельроде в Вене⁴.

Карл Васильевич удостоился множества нелестных характеристик современников. Одна из наиболее элегантных принадлежит графине Эбелинг, которая заметила, что российский канцлер «представлял из себя разительный пример притягательной силы, существующей между ничтожеством и фортуною» [21, с. XVII]. Подобные характеристики нередки, приведём лишь некоторые, включая мнения дипломатических представителей иностранных государств в России. Князь В.П. Мещерский вспоминал о Нессельроде: «Он был и ловок, и умён, но, к сожалению, у него было два крупных недостатка: он не был русский по душе и был феноменальный эгоист-эпикурец. Оттого про него говорили, что он больше сделал для кулинарного искусства и для цветов, чем для иностранной политики России. Его кухня считалась первою в Петербурге и его знаменитые оранжереи на островах были храмом самого утонченного культа флоры. Туда ездили, как на богомолье» [14, с. 707]. Помощник посла Франции в Петербурге маркиза де Кастельбажака граф Рейзет замечал, что исключительной красоты

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1830. Д. 13. Л. 5.

⁴ ВПР. Т. XVII. С.380. К.В.Нессельроде Х.А.Ливену. 27 июля (8 августа) 1830 г.

камелии из оранжерей Нессельроде продавались очень дорого [4, с. 229]. Саксонский поверенный в делах граф Фицтум фон Экштедт, также упоминающий о любви Карла Васильевича к цветам и музыке, полагал, что Нессельроде был для Николая I «не более, как чиновник, которому он оказывал доверие лишь настолько, насколько считал это потребным для дел» [2, с. 369]. Творческим умом, по мнению саксонского поверенного в делах, Нессельроде не обладал, но умел пользоваться чужими мыслями: «Здравостью его суждений и способностью к упорной, неутомимой деятельности объясняется то, что он успел удержаться в своём положении в продолжении трёх царствований». Впрочем, продолжает граф, подчинённые его любили: он был строг, но общителен.

Эту же черту – осторожность – подчёркивали в своих отзывах о российском канцлере представители иностранных держав в Петербурге. Оттон де Бре, советник посольства Баварии, характеризовал Нессельроде как чиновника «неуловимого», скрытого «несколько в тени» монарха, зато с «верным взглядом и редким умением никогда не действовать слишком поспешно» [10, с. 125]. Это свойство, по мнению советника, помогло России избежать нескольких военных конфликтов. Граф Фицтум фон Экштедт был убеждён, что российский канцлер ничего не знал о концентрации русских войск на границе с Османской империей в 1853 г. Известно, что Нессельроде был горячим противником конфликта с Турцией, поскольку полагал, что завоевание Турции было бы безумием, которое поставило бы на карту само существование российского государства [2, с. 389]. Нессельроде оказался недалёк от истины: ещё в 1833 г., когда Европа переживала прибытие на Босфор российского флота с десантом на борту, глава французского внешнеполитического ведомства герцог В.-Ш. де Брольи писал Талейрану: «Если русские оккупируют Константинополь с согласия Порты или вопреки ему, это тотчас же станет заботой европейских отношений» [29, с. 367]. Опасения западных держав по поводу возможного занятия русскими турецкой столицы оставались неизменными на протяжении всего XIX в. Русско-английское, а позже и русско-французское соперничество в регионе Черноморских проливов, Средиземноморья и Европейской Турции сковывали военную, а зачастую, и политическую активность Российской империи. Встретить вместо «беспечных турок» вооружённое сопротивление ведущих европейских держав не входило в планы военного командования России и всякий раз останавливало российскую армию буквально «у ворот» Константинополя.

Впрочем, существует мнение, что Нессельроде вовсе не был самым ревностным последователем Меттерниха – в этом качестве его затмил российский император [15, с. 110]. Для противодействия европейским революциям и восстановления нарушенного баланса сил Николай I зачастую предлагал действия даже более радикальные, чем австрийский канцлер, тем самым превзойдя его в поддержке охранительных принципов европейской системы. Известно, что Меттерних некоторое время вынашивал идею военного похода в Бельгию. Воплотить эту идею в жизнь взялся российский император, но этому помешало

восстание в Польше и доклад Нессельроде, обративший внимание Николая I на материальные «невозможности» российского бюджета.

В этих случаях российский канцлер выполнял весьма полезную роль «буфера», смягчая или направляя по другому руслу скоропалительные и взрывоопасные решения своего патрона, препятствуя импульсивным и необдуманным действиям – таким, как военный марш-бросок в революционную Европу. Однако и не без влияния Нессельроде российский император сделал выбор в пользу «общеевропейской» политики, жертвуя геополитическими интересами своей страны. Следование принципам Священного союза, ставшее приоритетной политикой российского императора на все годы его правления, сковало внешнеполитическую активность российского государства, подчинив её иллюзорной европейской «общности».

Один из самых ревностных приверженцев идеи Священного союза, российский канцлер К.В. Нессельроде в конце жизни вынужден был признать пагубность для российской внешней политики обязательств, вытекавших из участия в союзе трёх монархов. Давая оценку своей 40-летней деятельности во главе внешнеполитического ведомства в «Записке», названной её публикатором Н.К. Шильдером «лебединой песней маститого старца», Нессельроде приходит к неожиданным выводам, в какой-то степени перечеркивавшим результаты его деятельности на посту управляющего российским МИДом. Оглядываясь на годы службы Александру I и Николаю I, Нессельроде заключает, что в прошлом российская внешняя политика не всегда соотносилась с собственными русскими интересами. Ценой многих жертв она отстаивала, прежде всего, условия европейских трактатов, поддерживая австро-русское согласие, рьяным поборником которого всегда был сам Нессельроде. В будущем, по словам Карла Васильевича, следует расстаться с системой, «которой держались сорок лет» и отдавать предпочтение собственным внешнеполитическим приоритетам.

Список литературы:

1. Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. 1938. Т. 4–5. С. 155–207.
2. В виду Крымской войны. Заметки дипломата при Петербургском и Лондонском дворах, 1852–1855 гг. // Русская старина. 1887. № 5. С. 367–404.
3. Виноградов В.Н. Был ли князь К. Меттерних «кучером Европы»? // Новая и новейшая история. 2007. № 4. С. 144–171.
4. Граф Рейзет в России в 1852–1854 гг. Извлечения из его воспоминаний. Comte de Reiset. Mes souvenirs. La guerre de Crimée et la cour de Napoléon III. V. II. Paris. 1902 // Русская старина. 1903. № 7. С. 215–232.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
6. Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Север, 1934. 480 с.
7. Додолев М.А. Венский конгресс в историографии XIX и XX веков. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2000. 253 с.
8. Еланчин Н.А. Очерки похода 1829 г. в Европейской Турции. Т. 1. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1905. 337 с.
9. Из воспоминаний графа Ф.Г. Головкина // Русская старина. 1907. № 4. С. 107–122.
10. Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона де Бре. 1849–1852) // Русская старина. 1902. № 1. С. 115–131.
11. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 850 с.

12. Котова Е.В. Австрийские страницы в судьбе князя А.М. Горчакова // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 2004. Вып. 3. С. 133-135.
13. Майский И.М. Испания 1808–1917: исторический очерк. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 454 с.
14. Мещерский В.П. Мои воспоминания // Николай первый: pro et contra. Антология / Андреева Т.В. Выскочков Л.В. СПб.: НОКО, 2011. С. 707-708.
15. Михайлов В.Б. Нессельроде Карл Васильевич // Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т.3: Биографии министров иностранных дел, 1802–2002 гг. / А.Ю.Мешков и др. М.: Олма, 2002. С. 101–113.
16. Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1902. 206 с.
17. Пономарев В.Н. Финал долгой карьеры К.В. Нессельроде и Парижский мир // Российская дипломатия в портретах / А.В.Игнатъев и др. М.: Международные отношения, 1992. С. 180–198.
18. Рахшмир П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. 405 с.
19. Татищев С.С. Император Николай и июльская монархия во Франции // Исторический вестник. 1887. № 11. С. 285–323.
20. Татищев С.С. Русская дипломатия старая и новая // Русский вестник. 1887. №1. С. 276–339.
21. Татищев С.С. Император Николай I и иностранные дворы: исторические очерки. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1889. 485 с.
22. Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. Bd.5, Wien: Braumüller, 1882. 654 p.
23. Guizot F. Mémoires pour servir a l'histoire de mon temps. Paris: Michel Lévy frères, 1858. V. 1. 67 с.
24. Ingle H.N. Nesselrode and the Russian rapprochement with Britain. 1836–1844. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1975. 196 с.
25. Kann R.A. A History of the Habsburg Empire. 1526–1918. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1974. 646 с.
26. Kann R. Metternich: a Reappraisal of his impact on international relations // European political history. 1815–1870. New York, 1967. Pp.69–82.
27. Bertier de Sauvigny G. Sainte Alliance et Alliance dans les conceptions de Metternich // Revue Historique. 1963. V. CCXXIII. № 2. Pp. 240–274.
28. Sked A. The Metternich system // Europe's Balance of Power 1815–1848. London: Barnes & Noble, 1979. Pp. 90–110.
29. Thureau-Dangin P. Histoire de la Monarchie de Juillet. Paris: Plon, Nourrit, 1888. T. 2. 438 с.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра внешней политики России Института российской истории РАН. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
E-mail: demetr22@mail.ru.

TWO CHANCELLORS: METTERNICH AND NESSELRODE

E.P. Kudryavtseva
DOI 10.24833/2071-8160-2019-1-64-45-58

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article is devoted to the relations of two distinguished statesmen of the Vienna System period – Austrian Chancellor Metternich and Russian Chancellor Nesselrode. They took the helm of the foreign affairs of the allied states for a long period of time – their co-operation lasted almost 40 years. Russian-Austrian union was based on concurrence in their political views regarding the Concert of Europe, adherence to the principles of legitimacy,

conservatism and hostility to revolution and remained until the Crimean War. According to estimates of historians, Nesselrode was just an obedient apprentice of the Austrian Chancellor who orchestrated the whole European policy. Adherence to the principles of conservatism and The Holy Alliance resulted in nothing but misfortunes of Russian foreign policy and its submission to the «European Idea». Austria benefited from this and therefore Nesselrode was called «Russian foreign minister in the service of Austria». However documents witness that Nesselrode being an adept of Metternich's doctrine wasn't just a blindfolded follower of all Austrian initiatives. He could stand his ground in face of difficult European politics. In his way he faithfully served Russia and Nicolas the I.

Key words: international relations, Nesselrode, Austria, Vienna system, Metternich, foreign policy.

References

1. Avstriyskaya revolyutsiya 1848 g. i Nikolay I [The Austrian Revolution of 1848 and Nicholas I]. *Krasnyy arkhiv*, 1938, vol. 4–5, pp. 155–208. (In Russian).
2. V vidu Krymskoy voyny. Zаметki diplomata pri Peterburgskom i Londonskom dvorakh, 1852–1855 gg. [In view of the Crimean War. Notes diplomat at the Petersburg and London yards, 1852–1855]. *Russkaya starina*, 1887, no. 5, pp. 367–404. (In Russian).
3. Vinogradov V.N. Byl li knyaz' K. Metternikh «kucherom Yevropy»? [Was Prince K. Metternich a "coachman of Europe"?]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2007, no. 4, pp. 144–171. (In Russian).
4. Graf Reyzet v Rossii v 1852–1854 gg. Izvlecheniya iz yego vospominaniy. Comte de Reiset. Mes souvenirs. La guerre de Crimé et la cour de Napoléon III. V. II. Paris. 1902 [Graf Reyzet in Russia in 1852–1854 Extract from his memories. Comte de Reiset. Mes souvenirs. La guerre de Crimé et la cour de Napoléon III. V. ii. Paris. 1902]. *Russkaya starina*, 1903, no. 7, pp. 215–232. (In Russian).
5. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga, 1991. 574 p. (In Russian).
6. Dolgorukov P.V. *Peterburgskiyе ocherki. Pamflety emigranta. 1860–1867* [Petersburg essays. Pamphlets of an emigrant]. Moscow, Sever, 1934. 480 p. (In Russian).
7. Dodolev M.A. *Venskiy kongress v istoriografii 19 i 20 vekov* [Congress of Vienna in historiography of the nineteenth and twentieth centuries]. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 2000. 253 p. (In Russian).
8. Yepanchin N.A. *Ocherki pokhoda 1829 g. v Yevropeyskoy Turtsii* [Essays on the campaign of 1829 in European Turkey]. Vol. 1. Saint Petersburg, Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1905. 337 p. (In Russian).
9. Iz vospominaniy grafa F.G. Golovkina [From the memoirs of Count F.G. Golovkina]. *Russkaya starina*, 1907, no. 4, pp. 107–122. (In Russian).
10. Imperator Nikolay I i yego spodvizhniki (Vospominaniya grafa Ottona de Bre. 1849–1852) [Emperor Nicholas I and his associates (Memories of Count Otto de Bré. 1849–1852)]. *Russkaya starina*. 1902, no. 1, pp. 115–131. (In Russian).
11. Kissinger H. *Diplomatia* [Diplomacy]. Moscow, Ladomir, 1997. 850 p.
12. Kotova Ye.V. Avstriyskiye stranitsy v sud'be knyazya A.M. Gorchakova [Austrian pages in the fate of Prince A.M. Gorchakova] *Rossiya i Yevropa. Diplomatiya i kul'tura*, 2004, vol. 3, pp. 133–135. (In Russian).
13. Mayskiy I.M. *Ispaniya 1808–1917: istoricheskiy ocherk* [Spain 1808–1917: historical essay]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 452 p. (In Russian).
14. Meshcherskiy V.P. Moi vospominaniya In [ed.] Andreyeva T.V. Vyskochkov L.V. *Nikolay pervyy: pro et contra. Antologiya* [Nicholas I: pro et contra. Anthology]. Saint Petersburg, NOKO, 2011, pp. 707–708. (In Russian).
15. Mikhaylov V.B. Nessel'rode Karl Vasil'yevich In [ed.] Meshkov A.Yu. *Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii* [Essays on the history of the

- Ministry of Foreign Affairs of Russia]. Vol.3: Biografii ministrov inostrannykh del, 1802-2002 gg. Moscow, Olma, 2002, pp. 101-113. (In Russian).
16. *Ocherk istorii Ministerstva inostrannykh del. 1802-1902* [Essay on the history of the Ministry of Foreign Affairs. 1802-1902]. Saint Petersburg, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, 1902. 206 p. (In Russian).
 17. Ponomarev V.N. Final dolgoy kar'yery K.V. Nessel'rode i Parizhskiy mir *In Ignat'yev A.V. Rossiyskaya diplomatiya v portretakh* [Russian diplomacy in portraits]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1992, pp. 180-198. (In Russian).
 18. Rakhshmir P.YU. Knyaz' Metternikh: chelovek i politik [Prince Metternich: a man and a politician]. Perm', Izdatel'stvo Permskogo universiteta, 2005. 405 p. (In Russian).
 19. Tatishchev S.S. Imperator Nikolay i iyul'skaya monarkhiya vo Frantsii [Emperor Nicholas and the July monarchy in France] *Istoricheskiy vestnik*. 1887, no. 11, pp. 285-323. (In Russian).
 20. Tatishchev S.S. Russkaya diplomatiya staraya i novaya [Russian diplomacy old and new]. *Russkiy vestnik*, 1887, no.1, pp. 276-339. (In Russian).
 21. Tatishchev S.S. *Imperator Nikolay I i inostrannyye dvory: istoricheskiye ocherki* [Emperor Nicholas I and Foreign Courts: Historical Essays]. Saint Petersburg, Tipografiya I.N. Skorohodova, 1889. 459 p. (In Russian).
 22. *Aus Metternich's nachgelassenen Papieren* [From Metternich's posthumous papers]. Bd.5, Wien, Braumüller, 1882. 654 p. (In German).
 23. Guizot F. *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps* [Memoirs for serving the story of my time]. Paris, Michel Lévy frères, 1858, vol. 1. 67 p.
 24. Ingle H.N. *Nesselrode and the Russian rapprochement with Britain. 1836-1844*. Berkely, Los Angeles, London, University of California Press, 1976. 196 p.
 25. Kann R.A. *A History of the Habsburg Empire. 1526-1918*. Berkely, Los Angeles, London, University of California Press, 1974. 646 p.
 26. Kann R. Metternich: a Reappraisal of his impact on international relations. *European political history. 1815-1870*. New York, 1967. Pp. 69-82.
 27. Sauvigny B.G. Sainte Alliance et Alliance dans les conceptions de Metternich [Holy Alliance and Alliance in the conceptions of Metternich]. *Revue Historique*. V. CCXXIII. 1963, no. 2, p. 240-274. (In French).
 28. Sked A. *The Metternich system. Europe's Balance of Power 1815-1848*. London, Barnes & Noble, 1979, pp. 90-110.
 29. Thureau-Dangin P. *Histoire de la Monarchie de Juillet* [History of the July Monarchy]. Paris, Plon, Nourrit, 1888. T. 2. 438 p. (In French).

About the author:

Elena P. Kudryavtseva – Doctor of Historical Sciences, leading research worker of department «Russia in international relations» of the Institute of Russian History of The Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: demetr22@mail.ru.